

А Л Т Ы Н - Т У У

А. Макарова-Мирская

За несколько сот верст от культурного центра Сибири – Томска поднимаются похожие на облака горы, которые непривычный глаз не сможет издали отличить от густых синеватых облаков. Это – хребты Чингистая, Чиндагатуя, Чарышские, Ануйские, Табаты, Суок и другие, чьи имена занесены на карты Алтая – жемчужины Сибири, чудной, девственной страны с сотнями синих озер и водопадов, с говорливыми реками и вечной тайгой, в которой живет тихий народ, говорящий на разных наречиях странным языком: тайгой в которой растут могучие Кузук-агаши¹, и бродят медведи, где над горными хребтами реют Чемгулы², свисающие гнезда в недоступных утесах, и расцветают белые цветы цикламен над глубокими пропастями. Тот, кто не видал этих гор и синих озер, не слышал грохота водопадов и не любовался волнами красавицы-Катуни, потерял многое. Господь Бог, по Своему милосердию, положил во время творения мира в холодные тундры Сибири чудную жемчужину, и нет сердца, которое, увидав эту красоту, не вздохнуло бы умиленно и не сказало: «Господи, велик Ты в Твоем творении!»

И эту красоту увидали большие, задумчивые глаза девочки-подростка лет четырнадцати, увидали и загляделись на прекрасный Божий мир, облитый светом солнечного утра. Уже девятый день любовалась она с этого места на вид. Этою ночью обильный дождь омыл вековой лес, и он был душист и свеж. Белки сверкали ослепительно на высоте горного кряжа, уходившего в ясную небесную синеву.

Чуть наметился темною точкой над расщелиной Чемгул, а из камней скал, нависших над станом, выглядывала нежная головка Элик, горной красавицы Элик, а ее тонкие ножки чуть стучали, когда она перелетала с камня на камень.

Ручей близ палатки, весело слетая с уступов, обдавал брызгами берега и прибрежную поросль, он уходил, перелетая, на широкую долину, под скалы другой горной цепи, тянувшейся туда в глубину молчаливого спокойного леса, точно дремавшего в тиши.

- О чем задумалась? – спросил отец, кладя руку на плечо Тани. – На что загляделась?

- Папа, смотри, там точно золото, - на горе, в высоте... Наверное, оно блестит из-за снега. Дедушка Ургон говорит, что горы прорезали золотые жилы, просекли каменные породы – и на самых недоступных местах блестят, горят и сверкают там, где потоки рождаются...

- Ох, этот твой Ургон – большой выдумщик. Говорил он и мне что-то такое, когда я был молод: ведь, ему лет сто... я всегда его помню таким!... Помню, толковал и мне, что душа непорочная может взять сокровища, добраться до них.. Все это вздор, сказки!.. Но, если они тебя тешат, Таня, то думай, как хочешь, и не делай грустных глаз.

- Видишь, папа! – сказала она серьезно. – Жизнь ужасно тяжела, как говорит мама, и долги тяготят. Моя болезнь, сколько вам стоила! Теперь, пока путешествуем, мама там шьет, не разгибаясь... Ведь с ней Аня да Лиза только остались, а здесь золотые жилы лежат нетронутые. Если бы у меня была непорочная душа?!

- Глупышка! – засмеялся отец. – Ничего, Бог поможет: скоро я, может быть, обернусь, свое дело и без найденного золота. Сперва буду хотя к Ининым ходить. Одного верблюда купить бы Бог помог. Ты, пожалуй, права. Жизнь не легко достается с таким хозяином, как мой, а мать замоталась в работе. Но говорю: за все – Бог!

¹ Кузук-агаш - кедр

² Чемгул - орел

Его глаза с печальной покорностью взглянули на небо.

- Вот тут жди хозяйского приказа. Глушь... скоро сухари выйдут! – говорит он грустно. – Вечером отправляться, гнал из дому раньше времени, а сам приказал ждать на полпути... а теперь Ложковы, что вчера проехали (тоже скорее людей хотят добраться), говорят – разве недели через две увидеть. Оно для тебя то хорошо: подышишь в волю: ведь, какая стала худенькая! Мать велела беречь тебя, а то я взял и боюсь: ну, как караван заставить до моста провозать? Самодур! Не поедет да и все. Всем товар пока обменишь, – придется тебе зазимовать со мною, а зима за горами – тоска одна!

- Ну, да не зря же он слово давал! – сам себя ободрил отец и провел рукою по русской головке дочери.

Честное и открытое лицо, спокойный голос и прямой взгляд добрых глаз был у Павла Степановича Лопатникова. Лет 25 служил он у Чуйского купца Хранчевцева верой и правдой, и старик оценил его. Но год как умер он, а молодой хозяин уродился совсем не похожим на отца. Деспотичный, грубый, самодур – он изводил служащих, и, если бы не семья. Павел Степанович давно бы ушел от него. Но семья связала приказчика по рукам и ногам: четыре дочери «на выданьи», два сына, которых приходилось учить, и Таня, самая любимая младшая, которую семья нежила и баловала за кротость и красоту. Покойный Хранчевцев, ее крестный, учил ее в гимназии Б., но сын разом оборвал отпуск денег на ученье Тани.

- Старик блажил, а я не вознамеряюсь! – сказал он грубо. – Коли богат, учи сам, Степаныч. Я этой дурацкой науки не понимаю. Сколь из-за нее порок вынес от покойника. А твоя дочь пусть лучше учится стирать да пол мыть. Не с твоей оравой за образованностью гнаться.

И пришлось взять девочку, способную и умненькую, из гимназии, потому что платить за нее не было сил. Но те три класса, которые она прошла, резко отделили ее от семьи, и она, принявшаяся за домашние работы, все же была барышней среди них, впечатлительная, чуткая, ласковая и умненькая с глубокими мыслями и целым миром фантазий.

Сестры смеялись над ее дружбой с Ургоном, старым алтайцем, жившим по соседству с их домиком в селе, где жила семья, и откуда совершал свои вечные поездки Павел Степанович, ходя на Чую с хозяйскими караванами, ведя торговлю с пограничниками и монголами. В эту зиму Таня, привыкшая жить в городе в теплом и уютном доме крестного отца, простыла в собственном ветхом старом домике и долго пролежала с тяжелым плевритом, а весной еще дольше поправлялась, борясь с упорным кашлем. Доктор, живший в селе, велел везти ее в глубь Алтая, в глушь, но отец не мог взять ее с начала лета с собой: пришлось играть две свадьбы старших сестер, нашедших себе женихов, и за бесконечным шитьем Таня совсем захирела. Но теперь, в начале июля, они тронулись, наконец, в горы, минуя Чуйский тракт, которым обычно ходили при покойном Гервасии Платоновиче. Старыми дорогами, заповедными и трудными тропами, вот уже два раза шли они при молодом хозяине.

- Точно с контрабандою! – шутил с подручными приказчиками Павел Степанович.

- Дивлюся я на хозяина: зачем он все имение препоручил дураку?! – говорил Онисимыч, другой доверенный Хранчевцева. – Всю жизнь умником слыл... Сына знал уж очень хорошо и по заслугам ценил, а нет вот оставил наследство ему, и не Дарье Митрофановне с Сонечкой. Прямо житья им нет, даром что мать и сестра родняе!

Таня глубоко сочувствовала жене покойного крестного и Сонечке, 16-ти летней девушке, так же, как и она, взятой из гимназии неумолимым братом.

Сейчас, в ясное утро она задумалась о них, заглядевшись чудесными полными думы глазами на золото, сверкавшее ей из-за снегов, и мысли неслись в юной голове под тяжелыми косами, высоко положенными над нежным лбом.

- «Туда бы...туда, если бы знать, что у меня душа непорочная! Ургон говорит: «только дойти до золота и руки протянуть!»

- «Батюшка в селе на ея вопрос: «у кого бывает непорочная душа?» сказал ей: «у добрых детей!» и взглянул ласково ей в лицо умными глазами. Может быть и ея душа немного непорочна. Хорошо бы добраться туда, до сверкающих вершин!...трудно, так что же? За то мама не будет томиться, и маяться, отец отдохнет, этот седеющий труженик, брат Митя из городского проберется в реальное: он такой способный! и Андрюша пойдет в семинарию из катехизаторского. Тогда и сестра Анюта выйдет за Мишу Бутягина, которого любить, а не станет, как старшие сестры, выходить за пожилых вдовцов с горькими слезами. Нет, правда, нужно это сделать!... Вот как попопдничают и уснут мертвым сном в самый жар, тогда и идти с Соколкой!

- Соколка! –Позвала она огромную собаку овчарку.

Та поднялась и подошла к ней.

- Соколка милый, пойдешь со мною? Ты добрый Соколка, хороший мой, ты меня не бросишь одну!

И Соколка, ластился к девочке и лизал ея руки. Он прискакивал и радовался чему то.

Павел Степанович подошел к дочери.

- Пойдем-ка чай пить Танюша. Гляди – вьются Чемгулы...быть, однако, ненастью! А Дилан³ посвистывают поминутно...ты осторожнее, девочка: тут в камнях диланок этих пропасть!... пожалуй и от-дилан есть.⁴

Выросший в предгорьях Алтая, он хорошо знал язык его народа и привык мешать русскую речь с алтайской, а Таня великолепно его понимала, сама отлично умея говорить по алтайски.

- Папа, а Од-элен (огненная трава) растет тут, если ок-дилан укусит?

- Од-элен? – задумался он. – Найти бы мне ее, Танюша, я бы ее грыз беспрестанно, если бы от яда слов хозяйских она помогала, да не видывал я, милая, такой травы. Заботить меня погода... Здесь только дождь хлынет, так этот ручей тебе не узнать: поток будет широченный – не дай Бог!

К ним подошел немолодой уже приказчик Онисимыч и засмотрелся на горы.

- Смекаю я, проманежит нас тут хозяин! Место тихое, верблюдов кормить есть чем... Он будет похохатывать себе. Это я перед отъездом то к нему приехал за приказом, да и встретил Сонечку... бледная такая, брови сдвинуты, поклон велела Тане сказать: «Скажи, говорит, Онисимыч, Павлу Степановичу: пусть на отца не беднится!.. Ты человек верный... передашь ему слова мои...только троим вам и веру даю: тебе, ему, да Христофору Митричу. Не обидели Павла Степаныча отец, да пропало завещание... только найду я его, докопаюсь... не дам Ивану владыкой быть да над мамой и вами издеваться!» и торопливо так ушла.

Они заговорили про хозяина, а Таня быстро пила чай.

- «Надо будет хлеба взять с собой для Соколки, сухарей, лепешек... а ягод там нарву, поесть если захочется. В самом деле, если хлынуть дожди, тогда и не проберешься. Далеко ли эта гора? Я думаю – до нея версты две... поеду на Сивом, заседлать попрошу Тумчука: он любит говорить... спрошу его, далеко ли до белков!»

И она, кончив чай, побежала к верблюдам, мирно пасущимся в боковой долине.

Тумчук, типичный инородец, с вечною трубкой в зубах, лежал, положив голову на облитый солнцем камень, и щурился, как кот. Она потрясла его за руку, заставляя открыть глаза.

- Лошадь оседлать? – спросил он, приподнимаясь добродушно. – Стосковался, Таня?

- Пожалуй Сиваго оседлай, только не сейчас.

Скажи, Тумчук, далеко отсюда та гора? – указала она на снежную вершину.

³ Дилан - змея

⁴ Ок-дилан - медянка

- Нет! – ответил он медленно. – Долина направо, налево, прямо и вверх...а тебе нашто?

- Так! – опустила она глаза. – Хорошо там?

- Высоко! – усмехнулся он. – Ты белая карлагаш...⁵ лети погляди!...

Девочка вспыхнула:

- Молчи, Тумчук... что ты говоришь!... Туда не добраться!..

- Ну! – усмехнулся он шутливо, а бунь⁶ забираются же! Пospорь с Чемгулом: гляди, куда он взвился! Точкой висит на небе, а от камней не далеко. Был бы я молодой. Пошел бы кой-чечеков нарвал тебе, (так алтайцы зовут белую ветреницу и цветы Цыкламен). Любил лазать по горам, а теперь старый...теперь лежу –верблюдов пасу.

- «Направо, налево, прямо и вверх!» – думала Таня. – «Все-таки попробую: хотя я и сержусь иногда на братьев, но, может быть, у меня осталась, хотя чуточка непорочной души. Попробую добраться туда. Папа долго пробудет здесь... я могу вернуться к ночи. Будет беспокоиться, но я попрошу прощенья. Только бы скорее они легли отдыхать!»

И она ждала нетерпеливая, волнуясь и шепча молитвы, а когда солнце поднялось высоко и залило самые глубокие балки в долине, на оседланном Тумчуком Сивом смело и отважно пустилась в путь сопровождаемая Соколкой.

- Ты не далеко, Тань? – спросил ее Тумчук, - Смотри, дороги не знаешь...плохо.

- Я туда! – неопределенно указала она вперед прямо, где поднималась громада горы, залитая светом.- Я вернусь.

Тумчук не заметил ее волнения: он опять, как утром, лениво щурился от солнца, да и Таня не в первый раз ездила днем. Сам Павел Степанович спроваживал ее гулять, боясь, что девочка соскучится сидеть целые дни у стана.

Сивый и Соколка весело бежали по берегу ручья туда, где долина поворачивала направо крутым поворотом: тут бежала извилистая горная река. Таня переехала брод, через который Сивый осторожно перенес ее. Быстро выпрыгнувший на берег вслед за ними Соколка обдал брызгами Танины плисовые шаровары. Она перекрестилась, не обращая внимания на собачий восторг, и подогнала Сиваго.

- Куда же? Налево речка уклоняется, направо...неужели сюда, на перевал? Да, вот тут тропа... может быть, звери ходят туда?!

И тихо она принялась забираться туда, где меж редких камней разрослись богато стройные и прямые сосны, охваченные порослью чернолесья и кустов. Дальше было царство кузук-агашей, пустивших цепкие корни глубоко меж камней. Красные спелые ягоды агаш-тиилек(малины) манили детские глаза, большие и крупные, но она поборолла искушение и двигалась в тишине, царившей на перевале, где только дружно щебетали карабарчики (скворцы), аралджи (кедровки) звонко перекликались. Из-за деревьев не видно было низины. Тропа вилась по чаще, но вот реже стали кузук-агаши, точно отбежали они, давая свободу каменистым породам, к которым сиротливо жалась узюь-тимирыды (крушина), и темный аржан-элен⁷ венками ложился на серые и желтые скалы.

Заглушая пение птиц, откуда то пронесся новый звук, звук падающей с высоты воды, и наконец, после получаса трудного пути, тропа вывела Таню на высоту перевала, где из за разредившегося леса камней она увидала глубокую, поросшую лесом, прекрасную долину, в которую стремительно несся ток с противоположной горной цепи. Вода летела через скалы широкими каскадами, белой и розовой от солнца пеной неслась она с радостным грохотом в сиянии солнечного дня мимо строгих кузук-агашей и задумчивых карагай (сосен). Таня остановила Сиваго и любовалась с минуту этим потоком. Потом глаза ее внимательно осмотрелись, она вскрикнула, увидав оснеженную вершину заветной горы. Значительно приблизившуюся и уходившую ввысь, точно желавшую заслонить небо Но тропы к спуску не было совсем, а растительность на этой

⁵ Карлагаш - ласточка

⁶ Бунь – горный баран

⁷ Аржан-элен - вереск

стороне перевала была значительно чаще, чем на стороне подъема. Краснолесье перемешалось с чернолесьем, и шипы толоно (баярки) больно кололи Сиваго, тихо и осторожно пробирававшегося к спуску не прямо по тому пути, куда они перевалили, а повернув на восток.

И тут было много агаш-тиилека (малины), но девочка уже не думала о ней: гора приковала, точно гипнозом, ясные, красивые детские глаза, гора тянула неодолимо.

- «Нужно взойти туда и добраться до того места, где Алтын-Ту сверкает. Добраться и лечь на камни, где скрывают жилу из глаз, лечь непорочной грудью на нее и сказать:

- «Ты⁸, мое сердце чисто, как твои снега. Оно болит за родных, которым нужно золото. Открой свои жилы и дай непорочному сердцу рожденное в чистых снегах светлое золото!»

«Так говорил старый Ургон».

- Милый Сивый, вези меня скорее. Вон там прямо она поднимается – Алтын-Ту старого Ургона!

И лошадь шла в сиянии дня, ушедшего за полдень. Она осторожно наискось опустилась с перевала и также осторожно пошла по берегу потока, стремительно падавшего с каскадов идущей уклоном книзу долины.

- «Прямо!» – Горело в уме Тани. Она не побоялась брода глубокого и опасного. Она без страха миновала его и очутилась у подошвы горы, строгими уступами поднимавшейся в высоту. Тут, на дне долины, было полутемно и сыро. Шумели ручьи в густой заросли под нависшими сводами деревьев, и трудно было решить, где нужно подниматься. Да можно ли лошади овладеть эти уступы? Нет: сразу круты, недоступно круты для нея были они.

Таня слезла с Сиваго и обняла его шею.

- Может быть, ты подождешь меня? – спросила она неуверенно и невольно улыбнулась над собою.

Сиваго нельзя было привязать: его мог съесть абшак⁹. – «Нет, пусть он пасется тут на воле».

- Вперед, Соколка!

И с Соколкой она, перекрестившись, полезла на камни, поднимаясь, все выше и выше. Ей казалось, что она шла ужасно долго, и, выбравшись из лабиринта камней и поросли, она взглянула вниз, в долину, где оставила лошадь. Та была совсем близко, тут, под ногами. Задумчивая долина, казалось, отстояла в двух шагах.

- «Неужели они с Соколкой преодолели только первые уступы? Да! Но тут будет лучше идти: вот тропинка... совсем даже хорошо. Теперь все прямо... здесь и Сивый свободно бы пошел. Ах, Господи, и солнце как низко опустилось! Неужели она сегодня не достигнет вершины? А еще хотела вернуться к вечеру. Надо покормить Соколку и в путь, вперед, без отдыха туда, где цветут кой-чечеки, и потоки рождаются из под снегов. Хорошо, что кофточку взяла теплую надеть сверх мужской рубашки: теперь жарко, а там будет холодно. Вон она... вон куда ушла... ах, какая высокая эта Алтын-Ту!»

Девочка покормила Соколку, съела сама кусок лепешки и опять с новой энергией стала взбираться с уступа на уступ, преодолевая то крутые и едва доступные скалы, нависшие над ранее пройденными, то идя по мягким травам и мхам. Свободно забираясь прохладными котловинами, она уходила все выше и выше, и небо казалось ближе и доступнее, это теплое синее небо! Кончились редкие карагаи, ушли в низину кузук-агаши... только аржан-элен вился по камням - темнозеленый, душистый, - обвивая их, как брат. Круче стали скалы, и от взгляда вниз кружилась голова. Солнце разом потухло, но закат горел долго. Силы оставили Таню, и она села между камней, повитых аржан-эленом. Под ее ногами был дивный вид: целое море гор и лесов уходило во все стороны

⁸ Ту- гора

⁹ Абшак- медведь

догоравшего заката, сверкали ленты водопадов, реки прятались во мглу, начавшую заполнять долины, но на синеве неба яркими чистыми линиями поднимались строгие вершины. Вон на право, как большое зеркало, лежало озеро, там в полугоре чуть наметился аил, а вдаль небо сходилось с дальними оснеженными цепями гор.

Первые звезды заблестели в вышине. Тут в высоте никакие звуки не рождались. Живой мир был внизу. Только ящерица зашуршала, пробираясь между камней: она задела сухой мох, и, сама испуганная, скользнула в расщелину. Там внизу была земля с ее суетою, мир полный шума и жизни. Здесь воздвигались Божьи алтари, далекие мирской суеты, покрытые чистыми, как кристалл, снегами.

- «Вон и лампы!» – подумала Таня, - «Какие большие звезды. Там, внизу, они гораздо меньше кажутся!»

Ей не было жутко. Нет. Только мысль об отце томила сердце.

- «Милый, бедный папа. Тумчук напугает его еще...но за то, если»...

Она печально задумалась.

- «Все дело в праведной душе. Господи! – поднялись к небу большие глаза, - милый, добрый, мне ведь немного надо. Сокровища пусть остаются другим. Ты, Господи, видишь мою душу...может быть в ней будет хоть чуточка непорочности для моих родных?!»

Она не помнила, как заснула тут, между камней, прижавшись к Соколке, и месяц, поздно поднявшийся и обливший грустным светом задумчивые горы, наверно, изумился, увидав недалеко от пояса снегов красивое личико девочки, прижавшейся к мохнатой собачьей шее. Черты его были кротки и грустны. Уснувшая с молитвой, и во сне она, может быть, продолжала ее.

Розовые туманы ползли по камням: из этой пелены, точно острова на море, выглядывали вершины гор. Таня проснулась от холода и поспешно натянула на себя кофточку, прижалась к Соколке, глядя на восток туда, где над снегами пламенем разливалась заря. Может быть, за вершинами уже вошло солнце, но она, заслоненная каменной громадой, не могла видеть его и, преодолевая истому, усталость и сон. Таня вдруг поднялась решительно вперед.

- На, Соколка, поешь! – вынула она из ручного мешка последний хлеб. – И скорее: нам еще много надо пройти!

В свете все разгоравшейся зари девочка и собака миновали последние уступы. Тут кончилась растительность: камни и снег были впереди. Путь становился ужасен: глубокие расщелины, казалось, уходили в недра земли: из под них вырывались потоки черные на белом снегу. Толстым пластом точно ползли по скатам оснеженные льды. Воздух был холоден и резок, а детские ноги неумоимо поднимались вперед. Карабкаясь с уступа на уступ, обдирая пальцы рук до крови, Таня шла к своей цели.

Соколка, жалобно воя, отстал от нее: он страшился преодолеть то, что могла она. Он не мог лепиться на выбоинах камней, за которые хватались окоченевшие тонкие пальчики.

- Ах! – вскрикнула вдруг Таня ослепленная. – Ах!

Ослепительный блеск снега, засверкавшего всеми цветами радуги, ослепил ее на миг. Точно разом разорвалась дымчатая пелена тумана, и дивный Божий мир предстал пред детскими глазами, там, далеко внизу, - мир, над которым она царила в высоте, доступной чумгулам и бунам...она – такая крошечная, ничтожная, совсем затерянная среди льда и камней! С невольным восхищением Таня глядела в низ на горы, облитые розовым светом, на узкие ленты рек и чудное вечное небо, необыкновенно чистое и глубокое тут в высоте.

- «Где же жилы? Тут все блестит, как золото. Вон та скала. Да, верно...тут начинаются золотые породы. Нужно обнять ее и сказать... Почему это кружится голова и в ушах точно шумит? Кровь из носа! Ничего, это пройдет...Еще немножко».

Ноги скользят и обрываются, но скала тут: могучим выступом выдвинулась она. Девочка тонкими худенькими руками охватила холодные камни.

- Ту! Мое сердце чисто, как твои снега. Оно болит за родных, которым нужно золото. Открой свои жилы и дай непорочному сердцу, рожденное в чистых снегах светлое золото!

Торжественно пролетели ее слова в высоте и слабым эхом пронеслись между снегов и камней. В величавой тишине без ответа осталась детская просьба и жуткое чувство сомнения, похожее на отчаяние, родилось в смелом сердце: оно не было непорочно, к чему был весь труд? Алтын-Ту не приняла ее просьбы. Нужно идти назад и не принести ничего отцу и семье.

Тихо и горестно плача, она еще раз осмотрела кругом на чудную красоту Алтайских горных цепей. Она не могла любоваться ими, полная своего горя, и тихо начала спускаться с холодных и скользких скал туда, где далеко внизу выл Соколка. Но силы оставили ее: не было более энергии, не хотелось бороться с усталостью, и на первой же площади за поясом снегов она без чувств упала около камней, повитых аржан-эленом.

* *
*

Павел Степанович измучился от беспокойства во весь томительный день.

- Да куда она уехала? – расспрашивал он Тумчука.

- Скоро обещал вернуться Тань! – убедительно говорил тот. – Ты не бойся, хозяин.

Но к вечеру не только Павел Степанович, но и весь стан всполошился, видя, что девочка не вернулась. Тогда взволновался и Тумчук.

- Та это она на Ту, на кору пошла. Она спрашивал, как идты, а я сказал, направо, налево и прямо вверх. Ай,ай!

Павел Степанович побледнел. Он разделил (с.20 ?) людей, оставив караван под присмотром

Онисимыча, взял с собой Тумчука и подручного, на наскоро оседланных лошадях быстро пустился в путь, предварительно заехав в аил, недалеко лежащий у озера, и взял там охотника Таргына в проводники.

С возможной поспешностью они ехали ночь и наткнулись на Сиваго уже тогда, когда солнечные лучи брызнули в долину.

- Надо на гору. Она на гору ушла. Ведь это горе! – говорил спутникам Павел Степанович. – Ночь на горе с её то здоровьем!.. Поди напугалась... Славу Богу, что еще Соколка с нею. Боже мой, то-то она все твердила о золоте... сбил с толку ее Ургон сумасшедший.

- Ты, Таргын, поедem со мною. Она поднялась, где-нибудь тут недалеко. Лошадь не пошла через брод назад... надо искать.

- И я, - сказал Тумчук, - пойду на Ту... пусть Алексей останется с конями. Ты с Таргыном, хозяин, в одну сторону, а я – в другую. Хорошо будет так.

И они пошли взбираться на гору. Но то, что давалось ребенку легко, они преодолевали с трудом. Павел Степанович хотел бросить поиски совсем и подняться с другой доступной стороны, но в эту минуту где то в высоте раздавшийся чуть слышный собачий вой поразил его слух.

- Соколка!

И никакие преграды больше не останавливали отца.

Таня очнулась, согретая солнцем. У нее болела голова, и ее шатало из стороны в сторону, когда она поднялась. Но мысль об отце больно ударила по сердцу.

- Скорее вниз, туда теперь легче идти.

Аржан-элен и кусты Узют – тимирыды помогали делать спуск быстрее: держась за них, она сползала по камням и вдруг вспомнила своего четвероногого друга.

- Соколка, Соколка!

Слабый крик понесся по горе тихим эхом.

- Соколка. Соколка! – заговорили камни.

А оттуда, из низины, уже гулкое эхо донесло до нее радостный крик:

- Танюша, Танюша...мы тут!

- Слава Богу! – собрала она последние силы, но добравшись до первых кузук-агашей, без сил опустилась под ними, и только слабые крики ее неслись от времени до времени, повторяемые эхом.

- Папа, я тут. Я тут, папа!

* *

*

На стоянку они вернулись уже тогда, когда потухла вечерняя заря, и из лесу потянуло холодком. Отец дал Тане отдохнуть и уснуть в волю. Она со слезами передала ему о своем разочаровании, а он радостный, что нашел ее, обласкал и успокоил девочку, и теперь она уже смеялась над шутками отца, радовавшегося, что она жива, здорова и невредима, с затаенной грустью оглядываясь на тонувшую в сумраке ночи Алтын-Ту, так негостеприимно принявшую ее на своей вершине.

На стану их ждали. Ярko пылали костры и, пристально взглянув зоркими глазами еще издали на стан, Павел Степанович, свистнув, сказал Алексею:

- Должно быть нагорит за отлучку: хозяин приехал. Я вижу вьюки и Христофора Митрича.

Христофор Митрич всегда сопровождал старого хозяина. Он сумел стать необходимым и молодому. Все дивились этому, потому что неподкупно правдивый старик был строг и резок, но хозяин терпел его около себя.

Видя его фигуру на фоне костров, Павел Степанович справедливо заключил, что и хозяин должен был быть тут. С стесненным сердцем (с.22 ?) к стану. Кони заржали, приветствуя товарищей, и радостный, возбужденный выскочил на встречу Онисимыч.

- Слава Богу, нашли Танюшку, а мы тут сколь горевали с Христофором Митричем о ней...он утречком подъехал с вестями. Ну и вести. Павел Степанович. От хозяйки приказ вам обратно вернуться...нарочно послала человека вернаго. Мне – на Чую, а вам – домой. Там такие дела...Да вы слезайте.

- Таничка, неужто на гору забиралась? Господь то за всех! Може старый Ургон и не зря болтал: ведь не ране – не после.

- Да что ты? Ничего не пойму – спешился Павел Степанович, снимая дочь с седла и здороваясь с Христофором Митричем.- Какие дела? А хозяин где?

- Хозяина нет: есть хозяйка Сонечка, а опекунша мать – Дарья Митрофановна! – торжественно сказал Христофор Митрич. Сонечка меня за тобою послала: нужен ты ей, Павел Степанович...обоим нам дела по горло будет ...и скорее поедем. Меня отпустила для убеждения: «не поверить, говорит, Степаныч, что чудеса у нас совершились, если тебя не пошлю... с караваном Онисимыч один управится».

- А все наука. Не будь она ученая, никогда бы ей не докопаться до секрета. Как Иван удет, она в кабинет: у отца рылась сначала, все комодки взяла в бюро и шкафы. Потом попустилася, уже горе ее брало, а сама мне говорит: «было завещание форменное».

- Ну, Павел Степанович, а после тебя на третий день после отъезда вашего нашла она его...а все через науку!

- Ах, ты-чудеса! – развел руками Павел Степанович.

- Вот и чудеса! – усмехнулся тот: - Книги,- знаешь сколько их! – на чердак сфурил, а Соня одну по одной, одну по одной да к себе их в (с.23?) Учиться не дает Иван, от себя не пускает...читать только и радости!..да невзначай в книге одной завещание то и

нашла. Умница наша! Сохранила его от Ивановых глаз жадных. Ну, Сонечка взяла книгу да к адвокату Порхову знакомому, а тот с полицией к Ивану. Оказалось, что у чиновника Горнаго, приятеля старика,-знаете? Хороший «приятель», нечего сказать! – копия хранилась, да Иван ее купил. Вот негодяй то! Сам же и сознался: «это, говорит, он подлец, душа продажная вам выдал..сжечь обещал!» – ну, всего тут напорол при чинах...под уголовщину себя и того подвел! А по завещанью то выходит –ему завод мыловаренный кирпичный и пятнадцать тысяч, а остальное: и капитал, и дома, и торговля, все – Сонечке да матери. И мы с тобою и другие, Павел Степанович, не позабыты: обоим по пяти тысяч за верную службу и рекомендации Сонечке держать нас, как верных слуг, а также и Тане твоей три тысячи на приданное да заказ воспитать по возрасту лет. Онисимовичу две тысячи, молодцам – по триста рублей...за всем, всем!!.

- Тебе еще, Павел Степаныч, отказан домик около собора; постоянно велено быть при наследнице, мне в помощь. Иван же – фью... Катнул из города на свой завод, пока суд да дело будет. А Соня принялась за дела. Велела тебе сейчас же ворочаться и Таню везти!

Таня слушала, широко открыв глаза: при свете костров, в тишине леса эти речи звучали для нее сказкой, неожиданной и новой, прекрасною сказкою!

- «Да, золота Ту раскрыла свои сокровища, открыла жилы не так, как она думала...правда, не так, но так или иначе, а то, о чем она грезила, пришло, это золото, желанное золото, о котором она мечтала. Значит, не напрасно провела там ночь, не напрасно добралась до холодной вершины!»

- Папа! – зазвенел ее голос. – Милый, хороший, ведь правду говорил старый Ургон! Пусть это не так, не жилы открылись, но золото пришло, так нужное для вас золото. Я так боялась, папочка, что не имею даже чуточку непорочной души, но Господь очень добр. Он дал мне непорочности.

Христофор Митрич немного изумленно смотрел на девочку, но Павел Степанович объяснил ему ее мечты. Они подошли к кострам и сели на отдых, в живом разговоре передавая друг другу события последних дней. Таня отошла от них: она свистнула Соколку и поднялась на камни повыше, где при свете восходящей луны была виднее Алтын-Ту.

Гора стояла задумчивая и безмолвная, строго очерченными контурами рисуясь на темном небе. Вечные снега блестели на ее вершине там, где рождались потоки, и золотые жилы уходили в глубину земли. Лес в безмолвном почтении отбежал от ее вершины и тихо точно на страже, стояли старые великаны кузук-агаши, спускаясь с причудливых уступов и опоясывая гору кругом. Здесь в долинах они были царями, властно поднимаясь от земли, одетые вечною зеленью. Им принадлежала эта прекрасная земля чудной страны, где горы могли отдавать сокровища людям, и люди всегда любоваться ими, их совершенной красотой, слушать шелест лесов и говор ручьев и рек.

В душе Тани поднималась восторженная нежная молитва. Она не похожа была на обычные молитвы мира, но она чиста и светла, как душа ласкового ребенка, из любви к родным не побоявшаяся опасностей пути, глетчеров Ту и зверей.

Синяя, душистая Алтайская ночь, немного холодная и торжественно тихая, разбросала звезды. Гудели только дальние водопады, да рокотал ближний ручей, и Таня поняла, что безумно любит этот мир, задумчивый, девственно прекрасный и чистый, от которого так далека была людская злоба, поняла и благословила его всем сердцем, полным светлой ликующей радости.

И ее отец тоже загляделся на Ту, облитую луною. Он думал о зле человеческом, думал о годе кабалы и тоски, думал об отважном детском сердце, и его собственное сердце тоскливо ждалось при мысли о прошлой ночи, когда там, под снегами горнаго великана, его дочь нашла приют в камнях горы, на которую пошла из любви к ним. Гора была добрее людей. Может быть Божии ангелы ходили там недоступными тропами по чистым снегам и охраняли ее. Его девочка осталась целой и невредимой, и Господь нашел его Своей милостью ради ее непорочного сердца. Да, не даром говорят, что вера ворочает

горами. Сказки старого Ургона сбылись неожиданно. В Алтае так много чудес. Он сам чудо, огромный, сверкающий снегами недоступных вершин, с тихими долинами и стройными пиками гор, с быстрыми реками и синими озерами!

- Милый, любимый красавец Алтай!

И Павел Степанович долго сидел в тишине ночи, забыв все и отдавшись созерцанию, полный воспоминаний о добром Гервасии Платоновиче, с кем он проходил сотни раз по этому краю, который они оба крепко и глубоко любили.